

Глава 26

Цзян Сяои вышел на улицу и увидел, как на горизонте сгущаются тучи. Небо затянуло тяжёлой, тёмной пеленой, а поднявшийся ветер безжалостно трепал сосны на задней горе.

Похоже, собирается сильный ливень.

Цзян Сяои нахмурился. Отец ушёл в горы без соломенной шляпы, а Южная гора так далеко от дома. Вернулся ли он?

Цзян Сяои велел Цзян Сяосаню занести в кухню уже перебранную вигну, погасил огонь и, схватив соломенный плащ-дождевик, собрался пойти навстречу отцу.

Однако погода летом и осенью переменчива, дожди налетают внезапно. Не успел Цзян Сяои дойти до подножия горы, как с небес хлынул проливной дождь.

Он ускорил шаг и побежал вверх по склону. Ливень был такой силы, что в нескольких метрах уже ничего не было видно. В пелене дождя он смутно разглядел, как кто-то, прижимая что-то к груди, спускается с горы. Человек очень торопился и даже один раз упал.

— Отец!

Цзян Сяои крикнул и бросился к нему.

Отец Цзян промок до нитки. Увидев сына, он поспешно опёрся о ствол дерева и поднялся.

— Ты как здесь оказался?

— Принёс тебе плащ, — Цзян Сяои протянул ему дождевик.

— Эх ты, дитя... — с безысходностью вздохнул отец Цзян. Дождь лил как из ведра, и даже плащ не мог толком защитить. Видя, что сын и сам промок наполовину, он не нашёл, что ещё сказать.

Всё-таки сын о нём беспокоится.

Отец Цзян поправил на его голове соломенную шляпу.

— Быстрее возвращайся домой.

— Угу! — Цзян Сяои поддержал его под руку.

Дождь не унимался, горная тропа стала скользкой и труднопроходимой. Отец Цзян не сдержался и с болью в голосе сказал:

— В следующий раз не приходи. Если собирается дождь, отец сам знает, что нужно возвращаться. Посмотри, ты весь промок.

Цзян Сяои вытер лицо и, повернувшись, посмотрел на него большими глазами, ничего не говоря.

Отец сам вырастил его и прекрасно понимал, о чём он думает.

Он похлопал по раздувшемуся карману на груди и объяснил:

— Я начал спускаться, как только погода испортилась. Но по дороге повезло — наткнулся на августовские дыни, уже спелые. Вот и задержался, собирая их. — Он улыбнулся, похлопывая себя по груди. — Несколько штук сорвал! Вернёмся домой, поедите с братьями.

Он говорил с такой радостью, словно был несказанно счастлив, что нашёл для детей немного диких фруктов.

Цзян Сяои поджал губы, чувствуя, как в груди защемило от подступившей горечи.

Он знал, что отец любит их больше всего на свете и что у него самое доброе сердце. Как тогда, когда он, зная, что Цю Цуйцуй ему не родная дочь, всё равно, помня о десяти годах, проведённых вместе, из последних сил работал, чтобы купить ей заколку.

Дядя Цянь, узнав об этом, пытался его отговорить. Но отец Цзян лишь сказал, что хоть она и не родная, но он растил её десять лет. Даже к собаке за это время привяжешься, не говоря уже о человеке. Если бы он, узнав правду, отвернулся от неё, он бы сам себя не простил. К тому же, она когда-то звала его отцом... Но кто бы мог подумать, что Цю Цуйцуй никогда так не думала.

Когда он упрямо решил остаться дома и не выходить замуж, отец Цзян жестоко отругал его и два дня с ним не разговаривал. Он просидел всю ночь один во дворе.

Потом, иногда видя, как другие гэ'эры его возраста выходят замуж, он часто вздыхал, останавливаясь у дороги и с завистью глядя им вслед, словно сам мечтал о замужестве больше, чем Цзян Сяои.

Вернувшись с гор, отец и сын промокли до нитки.

Цзян Сяои сварил кастрюлю имбирного отвара. Выпив его с отцом, он расставил по комнате несколько мисок, чтобы собирать воду.

Крышу комнаты, где спали трое братьев, отец Цзян недавно перекрыл свежей соломой, тщательно всё залатал, и она пока не протекала. Но до общей комнаты руки так и не дошли, и теперь с потолка капала вода.

Отец Цзян, переодевшись в сухое, сел под навесом и принялся плести корзину. Цзян Сяои придвинул стул и сел рядом.

— На днях, когда я возвращался, твой дядя Ли попросил меня прийти в конце месяца помочь ему со сбором риса, — подняв голову, сказал отец Цзян.

— Угу! — кивнул Цзян Сяои. — А как с оплатой?

Собирать кукурузу — не то же самое, что жать рис. Жатва риса — работа под палящим солнцем. Если работаешь на себя, то в самый зной можно и часок-другой отдохнуть. В конце концов, урожай важен, но жизнь важнее. А когда работаешь на других, поел — и снова в поле.

Под палящим солнцем за несколько дней можно и кожу сжечь. К тому же, в это время все заняты сбором урожая, и если платить мало, никто не согласится.

— Двадцать вэней в день, — сказал отец Цзян и, увидев, что Цзян Сяои нахмурился, добавил: — Обед включён. Это не так уж и мало. — Теперь, когда он хромал, ему уже повезло, что его не чураются и дают работу. Где уж тут выбирать. Семья Ли позвала его только потому, что знала — он трудолюбивый и честный.

Цзян Сяои кивнул. Если обед включён, то двадцать вэней в деревне — действительно неплохая плата.

— За нашим полем ты сам присмотри, — продолжил отец Цзян. — Я тут нарубил сухих дров, связал их и оставил под тем каштаном, куда я тебя водил. — У семьи Цзян было всего девять фэней заливного поля, не так уж и много. Цзян Сяои мог справиться и один. Он молча слушал.

Отец Цзян был мастером на все руки. Вскоре маленькая корзинка была почти готова. Он делал её для Цзян Сяосаня — небольшую, чтобы тот мог ходить на огород, полоть сорняки и собирать старые листья. Большую ему всё равно не унести.

Прежняя корзинка Цзян Сяосаня давно сломалась. Он несколько раз просил отца сделать ему новую, но у того всё не было времени. Сегодня, не пойдя в горы, он решил наконец смастерить её для младшего сына.

— Я нарублю побольше дров в эти дни, — не отрываясь от работы, сказал отец Цзян. — С теми

деньгами, что остались с прошлого раза, должно хватить на лекарства для Сяоэра в конце месяца.

— Угу, — отозвался Цзян Сяои. Деньги от продажи заколки почти не тронули, немного осталось. Отец Цзян, закончив работу, принёс ещё сорок взней, которые тоже не потратили. Вместе должно было хватить.

Дождь, начавшийся так яростно и мощно, прекратился только к вечеру. Цзян Сяои, обеспокоенный, сразу же побежал на огород. Увидев, что недавно проросшие саженцы не побило, а выкопанные канавы оказались достаточно глубокими и вода не затопила грядки, он с облегчением вернулся домой, чтобы продолжить готовить тофу.

Ночью Цзян Сяои проснулся от сильного кашля.

Он подумал, что это Цзян Сяоэр, и в панике вскочил, чтобы посмотреть, но Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань спали крепким сном. Цзян Сяосань раскинул руки и ноги и храпел так, что стены дрожали. Цзян Сяои вошёл в общую комнату. Это кашлял отец. Он дотронулся до его лба — тот был обжигающе горячим.

Отец Цзян простудился и ночью у него поднялся сильный жар. Цзян Сяои напоил его горячей водой. Утром ему стало немного лучше, он с трудом поднялся, но не позволил Цзян Сяои идти за лекарствами, а сам пошёл на улицу, накопал каких-то трав и сварил отвар.

Это были простые народные средства, которые раньше помогали за день-два. Но в этот раз, то ли жар был слишком сильным, то ли средства вдруг перестали действовать, отец Цзян проболел пять дней.

Работа в горах была заброшена. Дров нарублено недостаточно, а значит, на лекарства для Цзян Сяоэра в следующем месяце денег снова не будет.

Цзян Сяои был в унынии. В этот день, в полдень, когда он только вернулся с гор, к ним пришёл Цзян Даню.

Должно быть, случилось что-то хорошее — его лицо расплылось в улыбке, и он закричал, ещё не дойдя до ворот:

— Сяои, Сяои!

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань играли во дворе с Бай Цзыму. Увидев его, Цзян Сяосань подбежал, чтобы открыть ворота, и, подняв голову, улыбнулся.

— Старший двоюродный брат.

Цзян Сяосань был таким милым, что Цзян Даню не удержался и ущипнул его за щёку. Цзян Сяоэр подошёл чуть позже. Цзян Даню присел на корточки и внимательно его осмотрел. Мальчик, казалось, похудел, но выглядел бодрее, чем обычно. Цзян Даню спросил, не мучает ли его что-нибудь, Цзян Сяоэр покачал головой. Цзян Даню дал ему ещё пару наставлений и спросил:

— А твой старший брат где?

Цзян Сяоэр указал за спину.

— Брат на кухне, готовит. — Ответив, он громко крикнул: — Брат, двоюродный брат пришёл!

Услышав голос, Цзян Сяои вышел из кухни.

— Старший двоюродный брат, ты ко мне? Что-то случилось?

— Да! Хорошие новости, — Цзян Даню вошёл во двор, улыбаясь. — Я только что вернулся из города.

Цзян Сяои молча ждал продолжения.

— Я ведь эти дни работал у богача Чжана. Его невестка только что родила крепкого мальчика, и управляющий Чжан хочет сделать подарок маленькому господину на месяц.

Маленький господин — особа важная, и подарок выбрать нелегко. Обувь или одежда — неплохо, но неоригинально. Золотой замок — управляющий Чжан не хотел тратить столько денег.

Он хотел, чтобы подарок был хорошим, но недорогим, чтобы произвести на хозяина хорошее впечатление и тот его запомнил. Кто-то обмолвился, что в мануфактуру Чжао из Цзянчуна привезли новую партию товара. Говорят, там есть и ткани, и готовая одежда, фасоны и узоры которых отличаются от местных. Можно было бы сходить посмотреть.

Управляющий Чжан пошёл и обнаружил, что фасоны одежды действительно отличались от тех, что были в Пинъяне. Была одежда и для взрослых, и для детей. Управляющему приглянулся один комплект. Маленькая одёжка, должно быть, из лисьего меха, выглядела не только тёплой, но и очень милой на ребёнке.

Одежда была красивой, но и цена была ещё «красивее» — шестьдесят лянов.

Управляющий Чжан чуть в обморок не упал. Откуда у него такие деньги? Семья Чжан не была сказочно богатой, платили ему всего один лян в месяц. Шестьдесят лянов — он бы и штаны

последние продал, да не хватило бы. Вернувшись, он подумал купить шкуру зверя в лавке и попросить жену сшить что-то похожее, но, обойдя весь Пинъян, так и не нашёл подходящей шкуры.

Медвежья шкура большая, стоит несколько сотен лянов. Кроличья — слишком маленькая, да и продаётся в Пинъяне редко. Кроликов специально никто не разводит, шкурки в лавки приносят охотники. Но в горах опасно, охотников мало, к тому же сейчас время сбора кукурузы и подготовки к жатве риса, все заняты. Охотники редко ходят в горы, и кроличьих шкурок стало ещё меньше.

С трудом нашлась одна лавка, где продавали, но лавочник сказал, что шкурки уже заказаны госпожой Цзян. Осталось всего две, но они не целые, мех неоднородный и не одноцветный. Он спросил, не хочет ли тот их взять.

Управляющий Чжан отказался. И теперь он всё ещё ломал голову над этой проблемой.

Цзян Даню, услышав это, сразу же вспомнил о медвежонке, которого подобрал его двоюродный брат.

Шерсть Бай Цзыму была пушистой, блестящей и чистой. Она выглядела намного лучше, чем та паршивая медвежья шкура.

Видя, как двое малышей без умолку играют с Бай Цзыму, смеются и обнимают его, обожая до безумия, Цзян Даню не решился сказать об этом при них. Он боялся, что они услышат и поднимут шум. Он отвёл Цзян Сяои за ворота и всё подробно ему изложил.

— Ты хочешь его продать? Если да, я завтра же скажу управляющему Чжану. Этот медвежонок, которого ты подобрал, хоть и маленький, но на одну одежду для ребёнка, думаю, хватит, — Цзян Даню посмотрел на Бай Цзыму, прикинул и поднял два пальца. — Думаю, можно выручить два ляна серебра. Но управляющему нужна только шкура. Если решишь продать, лучше сначала забей его, сними шкуру, а мясо оставишь себе. Как снимать шкуру, я тебе в прошлый раз говорил, ты ведь понял, да?

Бай Цзыму, если не совершенствовался, то уж точно не оставался без дела, и когда он начинал совершенствоваться, никто не мог с ним сравниться. Хотя он ещё не мог принять человеческий облик, его слух был чрезвычайно острым, и он прекрасно расслышал слова Цзян Даню.

Этот человек, чёрт возьми...

Они виделись всего два раза. И оба раза он, чёрт возьми, хотел содрать с него шкуру.

Он что, в прошлой жизни разрыл могилу его предков? Почему он говорит такие бессердечные вещи? Просто невыносимо.

Бай Цзыму думал, что Цзян Сяои откажется. Но тот повернулся, посмотрел на него во дворе, потом опустил голову и, помолчав, сказал:

— Брат, дай мне подумать.

Бай Цзыму: «...»

Он даже не отказался!!!

Этот гэ'эр ведь вроде как влюблён в него?

Почему он ещё и думает?

Это просто вынуждает его бежать!

Как раз и задница перестала болеть.

Вернувшись, Цзян Сяои вёл себя как ни в чём не бывало. Он помыл котёл и собрался набрать немного простого риса, чтобы сварить, но, открыв крышку, вдруг понял, что рис в доме закончился.

Цзян Сяои оказался в трудном положении. Дров он нарубил недостаточно, а деньги, что были на руках, он тратить не решался. Но и без еды нельзя. Нельзя же постоянно есть одни овощи. Без крупы они не наедятся.

Услышав, что на кухне стихло, Цзян Сяосань, обнимая Бай Цзыму, подошёл.

— Брат, что случилось?

Цзян Сяои ещё не успел ответить, как Цзян Сяосань подбежал к кадке с рисом, встал на цыпочки и заглянул внутрь.

— Ой! У нас опять рис закончился, — расстроенно сказал он.

Цзян Сяои отставил миску, присел перед Цзян Сяосанем и, видя, что тот вот-вот расплачется, поспешно утешил его:

— Ничего страшного, завтра брат пойдёт и купит.

Цзян Сяосань шмыгнул носом, очень расстроенный.

— А у брата есть деньги?

— Есть, — не задумываясь, ответил Цзян Сяои.

Цзян Сяосань не поверил. Он считал себя неглупым.

— Правда? Даже если нет, ничего страшного. Не обманывай Сяосаня. Сяосань умный, брат его не обманет. Если нет риса, Сяосань будет есть поменьше. Обманывать нехорошо.

Цзян Сяои улыбнулся и погладил его по носику.

— Есть. А если и не будет, брат что-нибудь придумает. Мы не позволим нашему Сяосаню голодать.

Говоря это, Бай Цзыму заметил, что тот, намеренно или нет, бросил на него взгляд. Он сразу понял, что задумал этот гэ'эр.

У него похолодело внутри. Он решил, что нужно срочно искать способ сбежать. Но после неудачного побега, за который его не только избили, но и насторожили троих братьев, они стали охранять его ещё сильнее. Раньше на воротах была одна задвижка, теперь — две. Закрывали так плотно, что и щели не оставалось.

Бай Цзыму чувствовал, что дело пахнет керосином.

И действительно, в тот вечер Цзян Сяои начал точить нож во дворе. Звук этот вызывал у Бай Цзыму мороз по коже. Он метался в панике, пытаясь найти возможность сбежать, но Цзян Сяои ещё не спал, и выскользнуть у него на глазах было невозможно. Оставалось только сидеть на кровати как на иголках.

Он ждал и ждал, но и ко времени сна Цзян Сяои не предпринял никаких действий. Бай Цзыму не терял бдительности. Ночью, дождавшись, когда Цзян Сяои уснёт, он попытался сбежать, но безуспешно. Пришлось вернуться и с замиранием сердца совершенствоваться всю ночь.

На следующий день, после обеда, Цзян Сяоэр взял два куска старой ткани, иголки, нитки и ножницы, сложил всё в маленькую корзинку и сказал, что идёт к двоюродной бабушке учиться шить. Бай Цзыму в эти дни был не в настроении двигаться, и Цзян Сяосаню стало скучно. Он увязался за Цзян Сяоэром.

Во дворе на мгновение стало тихо. Вскоре снаружи послышались шаги.

Тяжёлые.

Это был Цзян Сяои.

У Бай Цзыму волосы на загривке встали дыбом. Он тут же сел на кровати, с «тигриной» готовностью уставившись на дверь.

Дверь со скрипом отворилась. В проёме стоял Цзян Сяои с ножом в левой руке.

Этот нож был слишком хорошо знаком Бай Цзыму. Именно его точил Цзян Сяои, когда он только-только попал в этот мир.

Этот день всё-таки настал.

Шерсть на теле Бай Цзыму встала дыбом, спину прошиб холодный пот, а сердце заколотилось как бешеное.

Цзян Сяои шагнул в комнату.

Тудум... тудум...

Бай Цзыму поспешно вскочил и прижался к стене за спиной, его мозг опустел. Он смотрел, как Цзян Сяои шаг за шагом приближается к нему.

...

Цзян Сяои заметил, что медвежонок сегодня какой-то странный. Увидев его, он отреагировал очень бурно: его короткие лапки дрожали, и выглядел он крайне испуганным и растерянным.

На мгновение он не понял, в чём дело. Но чем ближе он подходил, тем сильнее дрожал медвежонок. Его два чёрных, как смоль, глаза не отрываясь смотрели на руку Цзян Сяои. Проследив за его взглядом, Цзян Сяои увидел в своей руке кухонный нож и всё понял.

Он с трудом сдержал смех. Подойдя к кровати, он помахал ножом и увидел, что медвежонок задрожал ещё сильнее. Его короткие лапки дрожали так, что почти сливались в одно размытое пятно. Он тяжело дышал, словно вот-вот не выдержит и упадёт в обморок.

Цзян Сяои изо всех сил старался не рассмеяться вслух. Это было очень трудно. Он нарочито понизил голос и спросил:

— Испугался?

Бай Цзыму чувствовал, что вот-вот задохнётся. Он отчаянно закивал.

Кто бы на его месте не испугался? Даже когда он ночью сталкивался с призраками, ему не было так страшно.

Цзян Сяои рассмеялся. Он поднял нож, и холодный блеск лезвия был направлен прямо на Бай Цзыму. Он опёрся одной ногой о кровать, подтянулся и, медленно приближаясь к Бай Цзыму, залез на кровать.

Бай Цзыму: «...»

Честно говоря, смех Цзян Сяои только что прозвучал как крик злого духа.

Сердце Бай Цзыму подскочило к горлу, кровь в жилах, казалось, застыла. Когда кухонный нож оказался всего в ладони от него, его ноги вдруг ослабли, и он упал на кровать.

Боясь, что медвежонок не выдержит и описается на кровать, Цзян Сяои остановился.

— Ладно... не буду тебя больше дразнить.

Он не успел договорить, как увидел, что медвежонок, дрожа, протянул к нему лапу и со слезами на глазах произнёс:

— Брат, пощади медведя!

Цзян Сяои: «...»

<http://bllate.org/book/13701/1586730>